

— Чжун Ли, ты идешь первым, — Лань Цзыцзюнь жестом приказал Юй Цзыи отступить назад.

Хотя Чжун Ли сейчас и пребывал в смертной плоти, убить его было невозможно. К тому же его воинское мастерство превосходило силы Юй Цзыи, так что Лань Цзыцзюнь со спокойным сердцем пустил его вперед.

Получив приказ, Чжун Ли бесцеремонно оттащил юношу назад и усмехнулся:

— Молодой господин Юй, не горячитесь так.

Только тогда Юй Цзыи вспомнил, что позади него стоят могущественные спутники, и послушно отступил.

— Ну что, почтенные братья, приготовились, — Чжун Ли крепче сжал рукояти своих клинков «Три Снега», готовый в любое мгновение пустить их в ход.

Они разом выскочили на лесную поляну. Чжун Ли уже мысленно нарисовал себе раскинувшееся перед ними разбойничье логово с сотнями патрульных у ворот и успел вообразить, как в одиночку раскидывает целую армию. Даже Лань Цзыцзюнь внутренне приготовился расстаться с жизнью пару-тройку раз. Однако их глазам предстал вовсе не грозный форпост, а скромная, крытая соломой избушка.

Здесь пейзаж казался совершенно чуждым мрачной атмосфере дикой горы. Маленькую хижину обступали изумрудные всходы пшеницы, а вдоль вьющейся тропинки пестрели головки безымянных диких цветов. Узкая, извилистая дорожка соединяла колодец, жилье и поле. Домик был невелик, но ладен и прост — в таком вполне могло бы укрыться от невзгод небольшое семейство.

Благодатная земля манила лесных обитателей. С самого утра в траве без умолку стрекотали кузнечики, а наглые птицы то и дело пировали спелыми колосьями, зная, что хозяин их не прогонит. словно вся красота и безмятежность этих гор сосредоточились на одном крошечном пятачке земли. Настоящий уединенный райский уголок, скрытый от людской суеты.

Атмосфера была столь умиротворяющей, что тревога невольно рассеялась. Хуа Тянь осмелел и даже вышел в самый авангард их маленького отряда. Не попади он в Подземное царство, не стань Владыкой ада, он бы непременно выбрал для себя именно такую жизнь.

Подойдя к дверям, Хуа Тянь уже потянулся было постучать, но Лань Цзыцзюнь вовремя перехватил его руку и сердито прошептал:

— Ты что творишь? Нам не до шуток.

Хуа Тянь запоздало вспомнил, что за хлипкой дверью их могут поджидать кровожадные разбойники, и поспешно отступил в тень у стены.

Как только он отошел, Чжун Ли приготовился выбить дверь, чтобы застать врага врасплох, но Юй Цзыи опередил его. Потеряв всякое терпение, он рванулся вперед и одним ударом меча разнес ветхую дверь в щепки.

Остальные четверо ворвались следом за ним. Однако внутри царила точно такая же сонная тишина, как и снаружи. Стало ясно, что их яростный штурм выглядел нелепо и лишь испортил очарование этого места.

— Неужели мы ошиблись адресом? — Чжун Ли недоуменно обернулся к Юй Цзыи.

— Мало того что мы вломились в чужой дом, так еще и дверь разломали, — Хуа Тянь, как обычно, беспокоился о вещах весьма своеобразных.

— Исключено. Это то самое место, — упрямо выдохнул Юй Цзыи и принялся лихорадочно переворачивать все вверх дном в поисках хоть каких-то следов.

— Опять рассудок потерял, — сокрушенно пробормотал Хуа Тянь, с тоской глядя на то, как яростный мечник крушит нехитрую домашнюю утварь.

Поняв, что унимать буяна бесполезно, спутники решили вновь приструнить его с помощью Цепи пленения бессмертных. Лань Цзыцзюнь уже положил на деревянный стол несколько серебряных монет в качестве платы за разгромленный приют и беззвучно шевелил губами, собираясь призвать волшебные оковы.

— Байли! Сюй Байли! — вдруг раздался из глубины хижины полный невыносимой боли, надрывный крик Юй Цзыи.

Испугавшись, как бы юноша в порыве безумия не наложил на себя руки, все четверо бросились во внутренние покои.

Створка окна была приоткрыта, и легкое дуновение ветерка ласкало мертвенно-бледное лицо юноши. Сюй Байли тихо покоился на постели. На его губах застыла безмятежная, едва заметная улыбка — так улыбается ребенок, которому снится корзина со сладостями.

Юй Цзыи стоял перед кроватью на коленях, его плечи содрогались в беззвучных рыданиях, а грудь тяжело вздымалась — он походил на загнанного, смертельно раненного зверя.

Лань Цзыцзюнь подошел ближе и, окинув ложе профессиональным взглядом, со знанием дела произнес:

— Сюй Байли мертв. Причем скончался он уже очень давно.

— Как это случилось? — спросил Хуа Тянь, ошеломленный столь внезапной развязкой.

— На глаз определить невозможно, нужно провести тщательный осмотр, — Лань Цзыцзюнь подался вперед с несдерживаемым нетерпением: вид покойников всегда пробуждал в его душе странный азарт.

— Да как еще он мог умереть?! — яростно взревел Юй Цзыи, оборачиваясь к лекарю. — Его убил Ма Юэ! И не смейте к нему прикасаться! Никто из вас!

Подхватив невесомое тело Сюй Байли на руки, он решительно направился к выходу из хижины.

— Юй Цзыи?!

Окликнувший его мужчина стоял прямо у порога. На нем была простая холщовая одежда, полы куртки заправлены за пояс, а высокие сапоги сплошь покрывала подсохшая болотная грязь. За плечами висел потертый бамбуковый короб, доверху набитый свежесобранными кореньями и травами. Мужчине на вид было около тридцати, лицо его не отличалось примечательными чертами. Встреча со старым знакомцем явно повергла его в крайнее изумление.

— Ма Юэ! — выплюнул Юй Цзыи с лютой ненавистью.

Это имя заставило остальных застыть на месте. Тот самый Ма Юэ? Безжалостный разбойник и великий злодей, державший в страхе всю округу, оказался невзрачным деревенским лекарем?

— Молодой господин Сюй говорил, что больше не желает тебя видеть, — спокойно произнес Ма Юэ, опуская тяжелую корзину на землю. Он ничуть не испугался испепеляющего взгляда своего противника.

Юй Цзыи бережно опустил тело Сюй Байли на гладкие каменные плиты у порога и выхватил свой меч «Ветра и Инея». Без лишних слов он ринулся в атаку, целясь прямо в шею врага.

Хуа Тянь уже было приготовился к грандиозной битве, подыскивая глазами сухое бревнышко, чтобы устроиться поудобнее, однако все закончилось на редкость быстро. Спустя пару мимолетных обменов ударами несчастный Ма Юэ лежал на земле, едва дыша.

Когда клинок Ветра и Инея пробил грубое сукно его куртки и вошел под лопатку, наблюдавшие за схваткой окончательно убедились: хваленый предводитель разбойников в боевых искусствах был полнейшим профаном.

— Прекрати, Юй Цзыи! — Лань Цзыцзюнь первым ринулся наперерез, понимая, что события

принимают совсем иной оборот, нежели они рассчитывали.

— Полно тебе, брат Юй! Пощади его, — Чжун Ли навалился следом, помогая удержать ослепленного яростью юношу.

Хуа Тянь тем временем преспокойно стоял в сторонке, прижимая к себе маленького Сяо Цзяньцзяня, и безучастно наблюдал за потасовкой.

Воспользовавшись суматохой, израненный Ма Юэ из последних сил поднялся на ноги и, шатаясь, скрылся в густых зарослях.

— Хуа Тянь, олух, лови его! — в сердцах крикнул Лань Цзыцзюнь.

Сам он не мог сдвинуться с места, удерживая брыкающегося Юй Цзыи. Видя, как беглец беспрепятственно уходит в чащу, лекарь закипел от гнева, на мгновение ослабил бдительность и тут же поплатился за это — холодное лезвие скользнуло по его предплечью.

Хуа Тянь, который уже наострил лыжи вслед за разбойником, завидел, как Лань Цзыцзюнь валится на землю. Позабыв обо всем, он круто развернулся и бросился к раненому товарищу.

Склонившись над ним, Хуа Тянь обомлел: из глубокого пореза на руке лекаря вместо алой крови медленно сочилась вязкая зеленоватая жидкость.

— Брат Цзыцзюнь, да как же это... ты...

Лицо Лань Цзыцзюня исказилось от неловкости и стыда. Он резко вырвался из объятий Хуа Тяня, вскочил на ноги и сердито взмахнул широким рукавом халата — странный след на коже мгновенно исчез, словно его и не бывало.

— Сболтнешь хоть кому-нибудь — лично тебя прикончу, — ядовито прошипел он, отворачиваясь, чтобы скрыть пылающие щеки.

— Не скажу, клянусь, ни слова не скажу, — торопливо забормотал Хуа Тянь, чей голос под конец сорвался на едва различимый шепот. Он все еще не мог прийти в себя от увиденного.

— Взять его! — выкрикнул Лань Цзыцзюнь, сотворяя пальцами заклинание.

Сорвавшаяся с его ладони Цепь пленения бессмертных со свистом обвилась вокруг Юй Цзыи, намертво стянув его руки и ноги. Только тогда безумная потасовка наконец прекратилась.

— Да он окончательно рассудком повредился! — тяжело дыша, проворчал Чжун Ли. Он дрался

врукопашную, так и не решившись обнажить клинки «Три Снега» — их сталь не знала пощады, а калечить несчастного мальчишку великий герой не собирался.

— Ма Юэ ранен, далеко уйти не мог. Если поспешим, еще настигнем его, — произнес Хуа Тянь и, убедившись, что связанный Юй Цзыи больше не представляет угрозы, решительно зашагал в сторону лесной чащи.

— Постой, — Лань Цзыцзюнь преградил ему путь. — Юй Цзыи гонялся за ним не один год, но так и не поймал. У этого проходимца наверняка припрятан туз в рукаве. Слаб в бою, зато искусен в плетении ловушек и формаций.

— Опять эти проклятые формации, — Хуа Тянь в досаде всплеснул руками. Без посторонней помощи тут было не обойтись. — Брат Цзыцзюнь, будь другом, призови еще раз владыку Хуагая.

— Ты думаешь, Небесный Император — это домашний слуга, готовый явиться по первому твоему зову?! — раздраженно огрызнулся лекарь.

На самом деле призвать Императора Хуагая не составило бы труда, но после недавнего конфуза Лань Цзыцзюнь чувствовал себя крайне неловко и меньше всего на свете желал предстать перед взором Его Величества.

— Ладно, возвращаемся, — буркнул Лань Цзыцзюнь, переводя взгляд на бездыханного Сюй Байли и бьющегося в путах Юй Цзыи. Выхода не было, и настроение лекаря окончательно испортилось.

Хуа Тянь тем временем молча смотрел на темнеющий подлесок, куда скрылся беглец. Запустив руку в широкий рукав, он извлек на свет крошечного, искусно сложенного из тончайшей полупрозрачной бумаги журавлика. Шепот заклинания сорвался с губ юноши, и бумажный журавль поиска следов медленно расправил хрупкие крылья. Сделав короткий круг над поляной, он послушно устремился в лесную чашу, следуя за невидимой нитью ауры ушедшего Ма Юэ.